

РЕПРОДУКТИВНАЯ СФЕРА КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

К. В. ДЯДЮН*

Данная статья посвящена анализу особенностей репродуктивной сферы как объекта уголовно-правовой охраны. Автор исследует международные документы, специальное законодательство, теоретические разработки, посвященные рассматриваемому вопросу. Также в работе проводится сравнительно-правовой анализ норм уголовного законодательства стран СНГ, затрагивающих репродуктивные аспекты. В статье проанализированы правовые, социальные и медицинские подходы к понятию и содержанию репродуктивной сферы. Автор исследовал специфику охраны репродуктивных интересов в уголовном законе: регламентацию состояния беременности в качестве обстоятельства, влияющего на строгость наказания; норму об отсрочке отбывания наказания, обусловленную учетом репродуктивных факторов; влияние положений об охране материнства и детства на перечень уголовных наказаний для соответствующей категории лиц. Кроме того, особенности уголовно-правовой охраны репродуктивной сферы исследованы в рамках специальных составов преступлений: убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности; убийство матерью новорожденного ребенка; незаконное производство аборта; необоснованный отказ в приеме на работу либо необоснованное увольнение, обусловленные репродуктивными аспектами. В результате сформулированы определенные выводы и предложения, в частности авторское определение анализируемой категории и модифицированные редакции соответствующих уголовно-правовых норм.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: репродуктивная сфера, уголовное законодательство, состояние беременности, смягчающие и отягчающие обстоятельства, отсрочка отбывания наказания, убийство матерью новорожденного ребенка, незаконное производство аборта, необоснованный отказ в приеме на работу.

DIADIUN K. V. REPRODUCTIVE SPHERE AS AN OBJECT OF CRIMINAL AND LEGAL PROTECTION

This article analyses the peculiarities of the reproductive sphere as an object of criminal and legal protection. The author studies international documents, special legislation, as well as theoretical developments concerning this matter. The article also contains a comparative and legal analysis of criminal legal norms of CIS countries regarding the reproductive aspects. The author analyses legal, social

* Дядюн Кристина Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Владивостокского филиала Российской таможенной академии.

Diadiun Kristina Vladimirovna — candidate of legal sciences, associate professor of the Department of Criminal and Legal Subjects, Vladivostok branch of the Russian Customs Academy.

E-mail: kristina.dyadyun@yandex.ru

© Дядюн К. В., 2014

and medicinal approaches to the notion and content of the reproductive sphere. The author studies the specific character of protection of reproductive interests in the criminal law: regulation of the state of pregnancy as a circumstance which affects the severity of punishment; the norm regarding suspension of service of sentence determined by the reproductive factors; influence of the provisions regarding motherhood and childhood protection on the list of criminal punishments for the relevant category of persons. Moreover, the peculiarities of criminal and legal protection of the reproductive sphere have been studied in the framework of special elements of crime: murder of a woman whom the perpetrator knows to be pregnant; murder committed by a mother of a newly-born child; illegal performance of abortion; unjustified denial of employment or unjustified dismissal determined by the reproductive aspects. As a result, the author makes certain conclusions and proposals, in particular the author's definition of the examined category and modified versions of existing criminal legal norms.

KEYWORDS: reproductive sphere, criminal legislation, state of pregnancy, mitigating and aggravating circumstances, suspension of service of sentence, murder committed by a mother of a newly-born child; illegal performance of abortion; unjustified denial of employment.

Уголовно-правовая защита личности всегда в первую очередь означала и означает защиту жизни и здоровья человека. Особое значение имеет охрана репродуктивной сферы как основы развития человечества. Преступные посягательства в этой области не просто причиняют «двойной» вред, но и негативно отражаются на демографической ситуации в государстве, на развитии социально значимых институтов.

До недавнего времени рассматриваемая область оставалась практически полностью за пределами правового анализа, ей не уделялось надлежащего внимания в российской юридической литературе. В настоящем проблема охраны репродуктивных факторов оказалась в фокусе общественного внимания. В то же время специализированные исследования особенностей именно уголовно-правовой охраны репродуктивной сферы по-прежнему практически отсутствуют. Внимание теоретиков и практиков в означенной области сфокусировано в основном на конституционных, медицинских, социальных аспектах данной темы. Разумеется, такой подход обусловлен спецификой содержания репродуктивных вопросов, тем не менее, учитывая, что именно в уголовно-правовой сфере возможно наиболее существенное нарушение означенных прав и в то же время — наиболее жесткая их защита соответствующими средствами, представляется целесообразным отдельное изучение репродуктивных аспектов как объекта уголовно-правовой охраны.

Следует отметить, что в настоящее время отсутствует понятие репродуктивных прав с учетом специфики уголовно-правовой сферы, равно как и перечень основных направлений, в которых возможно осуществление соответствующих гарантий защиты.

Впервые в мировом масштабе о правовом регулировании репродуктивных прав было заявлено на Международной конференции по народонаселению и развитию, состоявшейся в сентябре 1994 г. в Каире, и в Платформе действий, принятой в Пекине в 1995 г.¹ Тем не менее,

¹ *Материалы международных конференций / под ред. В. А. Тишкова. М., 1997.*

анализируя упомянутые документы, следует отметить не совсем четкое формулирование конкретных обязательств и несколько расплывчатое содержание репродуктивных прав. Так, «репродуктивное здоровье — это состояние полного физического, умственного и социального благополучия, а не просто отсутствие болезней или недугов во всех вопросах, касающихся репродуктивной системы и ее функций и процессов». Иными словами понятие «репродуктивное здоровье» охватывает не только процессы, связанные с воспроизводством человека, но и обуславливающие факторы. Из понятия репродуктивного здоровья вытекает целая группа прав: право на получение информации в соответствующей области; право иметь доступ к соответствующим услугам в области охраны здоровья и т. п. Платформа действий дает также понятие охраны репродуктивного здоровья: «сочетание методов, способов и услуг, которые способствуют репродуктивному здоровью и благополучию за счет предупреждения и устранения проблем, связанных с репродуктивным здоровьем». На Каирской конференции охрана репродуктивного здоровья определена как «объединение методов, технологий и услуг, которые защищают репродуктивное здоровье посредством предотвращения и решения проблем в этой сфере». Таким образом, в этих документах источником репродуктивных прав выступает право на охрану здоровья. Охрана репродуктивного здоровья и репродуктивных прав человека и гражданина должна являться важнейшим направлением государственной политики, определяющим национальную безопасность, и на государство должна быть возложена обязанность их юридического обеспечения.

В Государственной Думе РФ инициировался проект Федерального закона «О репродуктивных правах граждан и гарантиях их осуществления», который, однако, был отозван самими авторами законопроекта. Следует отметить, что в указанном законопроекте, тем не менее, содержалось понятие не только репродуктивного здоровья, но и его охраны. Так, под репродуктивным здоровьем предлагалось понимать «состояние физического, умственного и социального благополучия во всех жизненных процессах, влияющих на формирование и функционирование репродуктивной системы человека»; под охраной репродуктивного здоровья — методы, технологии и услуги, которые способствуют становлению, сохранению и укреплению репродуктивного здоровья граждан посредством предупреждения и устранения нарушений в репродуктивной сфере на протяжении жизни человека». ² Несмотря на то что указанный закон так и не был принят, предложенные в нем понятия исследуемого вопроса наиболее близки для целей экстраполяции в уголовно-правовой сфере. Тем не менее с учетом специфики уголовно-правового регулирования представляется нецелесообразным размежевание перечисленных категорий, необходимо общее понятие репродуктивной сферы как объекта уголовно-правовой охраны, позволяющее, с одной стороны, учесть специальный подход к основным содержательным компонентам, с другой — подчеркнуть особенности отраслевого подхода.

В российской юридической науке вопросы правового регулирования репродуктивной сферы рассматриваются в основном дифференцированно, основной акцент делается на определении репродуктивного права, охрана и защита которого ограничиваются областью медицины

² Проект Федерального закона «О репродуктивных правах граждан и гарантиях их осуществления» // www.garant.ru (27 апреля 2013 г.).

и социальной политики³ либо вопросами содействия в области зачатия и определения количества детей.⁴ Некоторые авторы⁵ увязывают понятие репродуктивных прав с личностными конституционными правами, обусловленными общепризнанными международными стандартами, закрепленными в основополагающих нормах международного права. Такой подход вообще нивелирует самостоятельное значение репродуктивных прав, поскольку РФ не связана жесткими международными обязательствами в рассматриваемой сфере, соответственно, государство оставляет за собой достаточно возможностей по созданию определенного правового режима.

Таким образом, в настоящее время в российском законодательстве и правовых исследованиях репродуктивные права рассматриваются в общем и целом как правомочия на получение специальной медицинской помощи. При этом отдельные репродуктивные процессы становятся объектом отраслевого правового регулирования (преимущественно конституционного и семейного характера), в рамках которого могут формулироваться отдельные права гражданина. В то же время, в материалах международной конференции по народонаселению и развитию (которые большинством исследователей признаются в качестве опорного пункта охраны репродуктивных прав) подчеркивается «право на защиту от любых произвольных и насильственных действий и намерений со стороны учреждений, должностных лиц, отдельных граждан, нарушающих репродуктивные права граждан и наносящих ущерб их репродуктивному здоровью».⁶ Поэтому непонятно игнорирование в существующих исследованиях анализа возможностей защиты означенных прав уголовно-правовыми средствами. При этом, однако, не следует допускать и одностороннего подхода: чрезмерного гуманизма в отношении отдельных лиц на основании учета репродуктивных факторов. Как верно отметила Е. Е. Кравцова, «материнство — одна из социальных женских ролей, тем не менее общественные нормы и ценности оказывают определяющее влияние на проявление материнского отношения».⁷ Так, уголовно-правовое воздействие весьма значимо, а потому следует избегать «перегибов» в целях минимизации ложного «материнского» отношения в рассматриваемой сфере для смягчения наказания. Кроме того, необходимо учитывать, что репродуктивная сфера не является женской монополией, мужчины также имеют определенные права и обязанности в области охраны соответствующих прав.

³ См., напр.: *Малеина М. Н.* О праве на жизнь // Государство и право. 1992. № 12; *Хазова О. А.* Репродуктивные права в России: пределы законодательного регулирования // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2000. № 4. С. 16.

⁴ См.: *Перевозчикова Е. В.* Конституционное право на жизнь и репродуктивные права человека. Автореф. дис. ... к. ю. н. Казань, 2006. С. 9–10; *Шумилова Т. А.* Конституционно-правовое регулирование равенства родительских прав и обязанностей в Российской Федерации. Автореф. дис. ... к. ю. н. Саратов, 2003. С. 9–10.

⁵ См., напр.: *Баллаева Е. А.* Гендерная экспертиза законодательства РФ: репродуктивные права женщин в России // <http://www.gender.ru/russian/public/ballaeva/zadachi/ronjat.shtml> (27 апреля 2013 г.); *Фаракшина К. Ф.* Проблемы реализации репродуктивных прав человека в международном праве и их имплементация в законодательстве РФ // Федеральный правовой портал «Юридическая Россия» (<http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1252203> (29 апреля 2013 г.)).

⁶ *Материалы международных конференций.* С. 87.

⁷ *Кравцова Е. Е.* Материнство как объект уголовно-правовой охраны // Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. «Правовая реальность в фокусе юридической науки и университетского просвещения». Владивосток, 2008. С. 251.

Анализ действующего уголовного законодательства РФ позволяет выявить следующие нормы, в которых учитываются репродуктивные аспекты.

В рамках Общей части УК РФ:

закрепление состояния беременности в качестве обстоятельства, смягчающего/отягчающего наказание (п. «в» ч. 1 ст. 61; п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ);

отсрочка отбывания наказания беременной женщине и лицам, имеющим детей в возрасте до 14 лет (ст. 82 УК РФ);

ограничения в применении/неприменение отдельных видов наказания в отношении женщин вообще, беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей (ч. 4 ст. 49; ч. 5 ст. 50; ч. 7 ст. 53¹; ч. 2 ст. 54; ч. 2 ст. 57; ч. 2 ст. 59 УК РФ).

2. В рамках Особенной части УК РФ:

регламентация убийства женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, в качестве квалифицированного вида убийства (п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ);

закрепление убийства матерью новорожденного ребенка в качестве привилегированной разновидности убийства (ст. 106 УК РФ);

установление ответственности за незаконное производство аборта (ст. 123 УК РФ);

установление ответственности за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до 3 лет (ст. 145 УК РФ);

признание совершения преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, квалифицирующим обстоятельством (ч. 2 ст. 117 (п. «в»); ч. 2 ст. 126 (п. «е»); ч. 2 ст. 127 (п. «е»); ч. 2 ст. 127.1 (п. «и»); ч. 2 ст. 206 (п. «е»);

рассмотрение прерывания беременности как фактора, характеризующего причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ).

Следует отметить, что означенные аспекты регламентированы и в уголовных кодексах других стран СНГ. Так, что касается регламентации состояния беременности в качестве обстоятельства, влияющего на строгость наказания, подход законодателя в рассматриваемых государствах весьма схож: во всех уголовных кодексах (за исключением УК Молдовы) анализируемое обстоятельство предусмотрено в перечнях факторов, смягчающих/отягчающих наказание. Однако присутствует и определенная специфика. В УК Кыргызстана, Беларуси, Узбекистана, Армении, Азербайджана и Украины состояние беременности как обстоятельство, смягчающее наказание, взаимосвязано со временем совершения преступления («совершение преступления беременной женщиной/женщиной в состоянии беременности»). Такой подход учитывает психофизиологические особенности беременной женщины, поскольку беременность весьма существенно влияет на весь организм женщины и на ее психику (появление повышенной нервозности, раздражительности, вспыльчивости и т. п.), что, в свою очередь, сказывается на ее поведении, в том числе и при совершении действий, опасных для общества. В УК Таджикистана, Казахстана и РФ анализируемое обстоятельство обозначено просто как «беременность». Представляется, что такая позиция законодателя обусловлена стремлением государства проявить особую заботу о будущей матери, принимает во внимание необходимость нормального развития ребенка и в целом является более гуманной. В то же время, учитывая установленные законодателем ограничения в применении некоторых видов наказания, возможность предоставления отсрочки отбывания наказания, более узкий перечень видов исправительных учреждений, возможность «умышленной» беременности в целях смягчения наказания

и др., видится обоснованным более тщательно исследовать возможность применения рассматриваемого обстоятельства в каждом конкретном случае с учетом наличия других законодательных льгот (например применение отсрочки). Уголовный кодекс Республики Молдова вообще отдельно не регламентирует состояние беременности как обстоятельство, смягчающее наказание. Тем не менее представляется, что означенное состояние все же может быть учтено в рамках п. «к» ч. 1 ст. 76: «тяжесть бремени наказания по причине преклонного возраста, состояния здоровья или иных обстоятельств». Данный вывод основан на содержательных особенностях понятия «иные обстоятельства, обуславливающие тяжесть бремени наказания», а также на общем положении о возможности учета в качестве смягчающих иных, не предусмотренных соответствующим перечнем обстоятельств (ч. 2 ст. 76). Что касается регламентации соответствующего обстоятельства в УК РФ с учетом вышеизложенного, то все же представляется целесообразным возвращение к редакции 1960 г.: «совершение преступления женщиной в состоянии беременности». Такой подход подчеркивает обусловленность и обоснованность данного смягчающего обстоятельства именно на основе учета репродуктивных факторов. Примечательно, что в отношении учета состояния беременности как фактора, отягчающего наказание, позиция законодателя в рассматриваемых государствах практически идентична: «совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности». Следует подчеркнуть, что во всех рассматриваемых кодексах при регламентации анализируемого отягчающего обстоятельства указан критерий заведомости означенного состояния для виновного. Такой подход абсолютно обоснован и обусловлен требованиями принципа вины.

Далее представляется целесообразным рассмотреть институт отсрочки отбывания наказания, предоставляемой на основе учета репродуктивных аспектов, который присутствует в уголовном законодательстве всех стран СНГ за исключением Узбекистана. При этом в соответствующих нормах присутствуют общие и отличительные моменты. Так, по законодательству всех рассмотренных государств отсрочка предоставляется беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, однако возраст последних варьируется. Наиболее гуманным в этом отношении является подход РФ и Кыргызстана, предусматривающий возможность отсрочки отбывания наказания до достижения ребенком 14 лет. Более избирательна позиция законодателя в УК Армении и Беларуси: до 3 лет. В других странах СНГ рассматриваемый возраст ограничен 7 или 8 годами. Мужчина как субъект отсрочки предусмотрен в законодательстве РФ, Кыргызстана, Казахстана и Армении (косвенно). При этом по УК РФ и УК Кыргызстана такая отсрочка может предоставляться мужчине, только если он является единственным родителем. Такой подход представляется малообоснованным. Во-первых, отсрочка отбывания наказания должна предоставляться в первую очередь исходя из законных прав и интересов ребенка. Во-вторых, означенная позиция не соответствует положениям международных документов (в частности Конвенции о правах ребенка) и семейного законодательства, устанавливающего равенство прав и обязанностей обоих родителей. Очень часто встречаются ситуации, когда мать ребенка формально не лишена родительских прав, но фактически не заботится о нем в отличие от отца, либо умерла или безвестно отсутствует. Кроме того, нередки случаи, когда формально родителей двое, а фактически ребенка воспитывает только отец, либо когда мать ребенка уже отбывает наказание в виде лишения свободы. В означенных ситуациях отец

ребенка (при совершении уголовно наказуемого деяния) не будет в соответствии с буквой закона являться субъектом предоставления отсрочки отбывания наказания, что повлечет негативные последствия для ребенка. Также не учитываются принципы равенства и справедливости: мужчине отсрочка отбывания наказания может быть предоставлена, только если он является единственным родителем малолетнего ребенка, для женщин такого ограничения не предусмотрено. В свете изложенного более адекватной представляется позиция, изложенная в УК Армении и Казахстана: «лица, имеющие/в одиночку воспитывающие малолетних детей». Также следует отметить, что в некоторых государствах предоставление отсрочки взаимосвязано с дополнительными условиями. Так, по УК Украины при применении анализируемого института устанавливается испытательный срок с возложением дополнительных обязанностей (не выезжать за пределы Украины на постоянное проживание без разрешения уголовно-исполнительной инспекции; пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании или заболевания, представляющего опасность для здоровья других лиц, и др.). УК Таджикистана и Беларуси в качестве условия предоставления отсрочки указывают наличие у осужденной семьи или родственников, давших согласие на совместное с нею проживание/наличие возможности самостоятельно обеспечить надлежащие условия для воспитания ребенка. По уголовному кодексу Казахстана беременным женщинам отсрочка может быть предоставлена на срок до одного года. Означенные аспекты представляются вполне обоснованными. Так, например, видится целесообразным не предоставлять отсрочку отбывания наказания осужденным, не прошедшим курса лечения от алкоголизма и/или наркомании; лицам, страдающим психическим расстройством, не исключающим вменяемости; а также не прошедшим обязательного полного курса лечения тяжелого опасного заболевания (открытой формы туберкулеза, венерического заболевания и т. п.), так как достаточно сложно представить, что человек с подобным заболеванием может адекватно относиться к ребенку, оказывать ему необходимое внимание, заботиться о нем. Исходя из изложенного, также обоснованно и закрепление уклонения от прохождения предписанного курса лечения в качестве основания отмены предоставленной отсрочки отбывания наказания.

Также значимо и наличие определенных условий для надлежащего воспитания и содержания ребенка (в РФ данный аспект закреплен в рамках УИК). Что касается установления определенного срока отсрочки отбывания наказания для беременной женщины по УК Казахстана, такой подход также вполне оправдан. Как уже отмечалось, институт отсрочки обусловлен в первую очередь именно защитой интересов ребенка. Кроме того, гуманизм в этой сфере не должен быть чрезмерным, нивелирующим цели и задачи уголовного наказания. А потому вполне обоснованно устанавливать определенные рамки реализации соответствующего института. В настоящее время даже формальное согласие женщины не выясняется; суд, если сочтет возможным, соблюдая установленные законом условия, просто применяет отсрочку. К примеру, Д. признана виновной и осуждена в соответствии с ч. 1 ст. 240 УК РФ к двум годам лишения свободы за то, что она с целью получения дохода вовлекла в занятие проституцией Г. и А. Подобное деяние рассматривалось виновной как нормальный источник дополнительного дохода. Смягчающих обстоятельств по делу, связанных с объективными жизненными условиями (тяжелые жизненные обстоятельства), выявлено не было. Социально-семейный статус Д. не исследовался вообще. Однако суд высшей инстанции учел тот факт, что Д. является

матерью ребенка, не достигшего 8 лет, и в соответствии с положениями ст. 82 УК РФ изменил приговор, отсрочив отбывание назначенного Д. наказания до достижения ребенком 8-летнего возраста.⁸

Нужно также рассмотреть вопрос об ограничениях в применении отдельных видов наказания, обусловленных учетом репродуктивных факторов. Перечни наказаний стран СНГ схожи и по видам и по содержанию. Тем не менее учет репродуктивных особенностей реализован в них по-разному. Так, наиболее «гуманны» в этом отношении РФ и Беларусь, предусматривающие неприменение наибольшего количества видов наказаний с учетом репродуктивных факторов. При этом субъектный состав и основания установленных ограничений в рассматриваемых государствах отличаются.

Так, практически во всех уголовных кодексах (кроме Узбекистана) содержится такой вид наказания, как обязательные (общественные) работы, и устанавливаются ограничения в его применении в отношении определенного круга лиц, в том числе с учетом репродуктивных аспектов. Данный вид наказания не применяется в отношении беременных женщин, что вполне обоснованно, исходя из интересов будущего ребенка. Что касается наличия у субъекта малолетних детей — здесь позиции законодателей расходятся. Так, по законодательству России, Кыргызстана, Казахстана и Молдовы рассматриваемый вид наказания не применяется к женщинам, имеющим детей в возрасте до 3 лет. Уголовный кодекс Азербайджана распространяет данное ограничение только на женщин, имеющих на иждивении детей в возрасте до 8 лет, т. е. законодательно подчеркивается не формальное наличие ребенка, а его фактическая зависимость от матери, что представляется вполне разумным и обоснованным. Очень часто встречаются ситуации, когда мать ребенка фактически не заботится о нем, при этом пользуется соответствующими гарантиями и льготами. Представляется справедливым и обоснованным предоставление предусмотренных законодательством гарантий только в отношении женщин, реально осуществляющих воспитание и содержание ребенка, уход за ним. Более широкий субъектный состав предусмотрен в уголовном законодательстве Таджикистана и Беларуси: «лица, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком», что также вполне обоснованно с учетом интересов ребенка и принципа равенства. В Армении и Украине ограничения в применении данного вида наказания установлены только в отношении беременных женщин.

Следующий вид наказания — исправительные работы. Здесь позиция законодателей не столь однозначна. Так, по законодательству Азербайджана, Казахстана и Армении по применению данного вида наказаний не установлено ограничений, обусловленных репродуктивными аспектами, что вполне объяснимо исходя из содержания указанной меры, не оказывающего существенного влияния на охрану репродуктивной сферы. В УК Молдовы вообще отсутствует такой вид наказания. В УК РФ и Кыргызстана ограничения в применении установлены в отношении беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до 3 лет. По уголовному законодательству Таджикистана и Беларуси рассматриваемый вид наказания не применяется в отношении беременных женщин и лиц, находящихся в отпуске по уходу за ребенком. В Узбекистане и Украине субъектный состав анализируемой привилегии ограничен беременными женщинами и женщинами, находящимися в отпуске по уходу за ребенком. Представляется, такой подход обусловлен скорее даже не интересами охраны репродуктивной сферы, а положениями трудового законодательства и принципом целесообразности.

⁸ Архив Хабаровского краевого суда. 2001. Дело № 2-66/2001.

Арест как вид наказания присутствует в УК России, Украины, Беларуси, Узбекистана и Армении, однако ограничения в его применении, обусловленные репродуктивными особенностями, — различны. Так, Уголовный кодекс Узбекистана вообще не предусматривает соответствующих оснований неприменения ареста. Общей чертой законодательного подхода к регулированию рассматриваемого вопроса в других государствах является установление запрета на назначение данного вида наказания в отношении беременных женщин, что обусловлено содержательными особенностями ареста, так как помещение будущей матери в достаточно жесткие условия отбывания данного вида наказания может отрицательно сказаться на здоровье ребенка. Что касается других лиц, к которым арест не применяется в силу репродуктивных особенностей, здесь позиции законодателей разнятся. По УК РФ к означенной категории относятся женщины, имеющие детей в возрасте до 14 лет; УК Украины понижает возраст ребенка до 7 лет. Законодатель Беларуси распространяет соответствующее ограничение на одиноких мужчин, имеющих детей в возрасте до 14 лет/детей-инвалидов. Уголовный кодекс Армении включает в рассматриваемый субъектный состав лиц, имеющих на иждивении детей в возрасте до 8 лет. Две последние позиции представляются более обоснованными, так как в большей степени учитывают интересы ребенка и направлены именно на фактическую охрану репродуктивных аспектов.

При рассмотрении данного вопроса следует обратить внимание и на то, что ограничение в применении указанных видов наказания влечет также ограничение перечня возможных наказаний, предусмотренных за конкретное преступление. Последнее, в свою очередь, может вести к весьма нежелательным последствиям. Например, назначение штрафа женщине, имеющей ребенка, вместо названных видов наказания вряд ли можно считать выходом из положения с учетом интересов ребенка, чье появление в семье всегда связано с дополнительными расходами. Таким образом, благие намерения и гуманные соображения, которыми руководствовался законодатель при создании рассматриваемых норм, могут весьма негативно модифицироваться и отрицательно отразиться на последствиях принятого решения по конкретному делу.

Наиболее спорны и интересны в свете рассматриваемой темы ограничения в применении таких видов наказания, как пожизненное лишение свободы и смертная казнь. Последний вид наказания присутствует в настоящее время в УК РФ, Таджикистана, Беларуси и Казахстана, при этом смертная казнь не применяется к женщинам вообще. Что касается пожизненного лишения свободы, ограничения в его применении, обусловленные учетом репродуктивных особенностей субъектов, различны. Так, по уголовному законодательству РФ, Азербайджана, Таджикистана, Кыргызстана, Беларуси, Казахстана, Молдовы и Узбекистана данный вид наказания не применяется к женщинам вообще, вне зависимости от характеристик совершенного деяния, личности виновной и т. п. Во-первых, подобный «гуманизм» не соответствует международному стандарту в области защиты прав и свобод человека, так как ряд актов международного стандарта налагает запрет на назначение смертной казни только беременным женщинам, а не женщинам вообще.⁹ Во-вторых, наблюдение развития мировой криминологической ситуации показывает, что как раз женская преступность

⁹ *Права человека. Основные международные документы: Сб. документов. М., 1989. С. 37, 39.*

характеризуется наибольшим абсолютным приростом и структурным «утяжелением».¹⁰ Динамика преступности женщин с 90-х гг. XX в. по настоящее время характеризуется увеличением числа женщин-преступниц почти в 2 раза. При этом увеличилось количество насильственных преступлений, совершенных женщинами. По данным статистики, каждая четвертая женщина, отбывающая наказание в колониях, виновна в насильственном преступлении. Исследователи отмечают также, что преступления, совершенные женщинами, «отличаются особой жестокостью, большей дерзостью и цинизмом».¹¹ В-третьих, результаты проведенных специалистами опросов показывают: подавляющее большинство опрошенных (88%) высказалось за ликвидацию своеобразной «дискриминации» мужчин в УК.¹² И, наконец, по ранее действовавшему законодательству смертная казнь не применялась только к женщинам, находящимся в состоянии беременности. Впервые это положение появилось в УК РСФСР 1922 г. после его дополнения в соответствии с декретом ВЦИК от 7 сентября 1922 г. «О неприменении высшей меры наказания (расстрела) к беременным женщинам».¹³ Приведенные аргументы распространяются и на такой вид наказания, как пожизненное лишение свободы.

Более последователен и адекватен в этом отношении законодатель Армении и Украины, устанавливающий соответствующее ограничение только в отношении женщин, находившихся в состоянии беременности в момент совершения преступления/на момент вынесения приговора. Такой подход обоснован и с точки зрения основополагающих принципов уголовного закона и международных стандартов в области защиты прав и свобод человека. Кроме того, указанная законодательная позиция подчеркивает специфику охраны именно репродуктивных факторов.

Что касается установления ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка, здесь законодательный подход более индивидуализирован. Так, во многих уголовных кодексах стран СНГ подчеркивается критерий убийства матерью *своего* новорожденного ребенка (Казахстан, Беларусь, Таджикистан, Азербайджан, Украина, Узбекистан). Такой подход, с одной стороны, упрощает содержание вопроса относительно субъекта данного преступления, с другой — усложняет его, например, в случаях совершения рассматриваемого преступления суррогатной матерью при наличии соответствующих признаков объективной стороны состава. В отдельных кодексах присутствует и оригинальный подход к названию данного преступления. Например, в УК Республики Молдова рассматриваемое общественно опасное деяние обозначено как «детоубийство». Такой подход представляется не совсем верным, поскольку любое убийство новорожденного ребенка есть детоубийство, но не наоборот. Определенные расхождения присутствуют и в закреплении признаков объективной стороны данного преступления. Так, в некоторых случаях совершенно обоснованно подчеркивается обусловленность соответствующего эмоционального состояния виновной родовым процессом и связанными с ним

¹⁰ Долгова А. И. Криминология. М., 2003. С. 303.

¹¹ Попова С. А. Современная женская преступность: виды, причины, предупреждение // Следователь. 2006. № 1. С. 43.

¹² Шибков О. Н. Принципы и нормы международного права как источники уголовного права. Автореф. дис. ... д. ю. н. Ставрополь, 2000. С. 81.

¹³ Декрет ВЦИК от 7 сентября 1922 г. «О неприменении высшей меры наказания (расстрела) к беременным женщинам» // История государства и права России. Сб. документов. Часть II. М., 1997. С. 145.

обстоятельствами (Таджикистан, Беларусь, Молдова). В отдельных кодексах по-разному очерчиваются временные пределы рассматриваемого преступления. Так, в большинстве случаев законодатель использует формулировку «во время/сразу после родов» (РФ, Азербайджан, Кыргызстан, Украина, Армения). Однако в отдельных ситуациях указанный период более конкретизирован: «во время родов/непосредственно после них» (Таджикистан, Беларусь, Молдова, Узбекистан); «во время родов/послеродовой период» (Казахстан). Тем не менее ни одна из указанных формулировок не позволяет четко очертить конкретные временные пределы, обуславливающие привилегированность соответствующего состава преступления.

В результате возникают проблемы толкования и правоприменения соответствующей нормы, зачастую любое убийство матерью новорожденного ребенка квалифицируется по привилегированному составу, даже при наличии предумысла, подготовки к преступлению, отсутствии каких-либо психофизиологических моментов, обуславливающих совершение анализируемого преступного деяния. Так, П. скрывала беременность от окружающих; ребенка не хотела, так как он мог (по ее словам) помешать привычному образу жизни. Когда пришло время рожать, она, с целью скрыть рождение ребенка, пошла в сарай, где родила живого ребенка. После чего с целью убийства ребенка бриджами закрыла ему нос и рот, а когда ребенок задохнулся и умер, положила его в целлофановый пакет, отнесла в лесной массив и положила под корень дерева. Убивая ребенка, она действовала сознательно, вину свою признала. По месту жительства П. характеризуется отрицательно: злоупотребляет спиртным, неоднократно бросала семью (двух малолетних детей), уходила в загулы, не работает и не пытается трудоустроиться. Действия П. были квалифицированы по ст. 106 УК РФ, Хасанский районный суд Приморского края согласился с такой квалификацией.¹⁴

О типичности и относительной распространенности исследуемого деяния свидетельствуют следующие данные: по сравнению с 1990 г. число зарегистрированных убийств матерью новорожденного ребенка увеличилось в 1994 г на 94%, в 2005 г. — более чем в два раза (+215%).¹⁵ По выборочным данным по сравнению с 1990-ми гг. количество данного вида убийств в 2010 г. выросло втрое.¹⁶

В целях обеспечения реализации охраны репродуктивных факторов, лежащих в основе создания анализируемой нормы, и облегчения судебно-следственной практики видится необходимым изменение диспозиции ст. 106 УК РФ с акцентированием на основополагающем привилегиирующем признаке (объединяющем по сути остальные): психофизиологическое состояние женщины, вызванное влиянием процесса родов и связанных с ним обстоятельств.

Еще более неоднозначен подход законодателей стран СНГ при регламентации ответственности за незаконное производство аборта. Следует отметить, что наименее адекватна в этом плане позиция российского законодателя, согласно которой единственным криминообразующим признаком данного общественно опасного деяния выступает отсутствие у субъекта высшего медицинского образования соответствующего профиля. Такой

¹⁴ Архив Хасанского районного суда Приморского края за 2006 г. Дело в отношении П. (4234–324260).

¹⁵ См.: *Полный курс уголовного права*. В 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. Т. 2: Преступления против личности. СПб., 2008. С. 234.

¹⁶ *Криминология в вопросах и ответах*: учеб. пособие. М., 2010. С. 93.

подход не учитывает ни требования соответствующих медицинских актов, ни практические аспекты данного преступного деяния, ни требования основополагающих принципов уголовного законодательства. Так, уголовное дело в отношении врача Туймазинского роддома трижды возбуждалось и прекращалось за отсутствием состава преступления. Аборт был произведен вопреки желанию потерпевшей, повлек причинение вреда здоровью, кроме того, прерывание беременности было произведено с грубейшим нарушением ведомственных инструкций.¹⁷ По числу абортот Россия занимает одно из первых мест в мире: их совершается более 1,6 млн в год. Внебольничные аборты составляют около 12%. Ежегодно в стране от абортов умирает около 300 женщин, почти 400 тыс. приобретают осложнения, в том числе бесплодие.¹⁸

Во всех уголовных кодексах стран СНГ более обоснованно регламентированы признаки рассматриваемого преступления. Так, в большинстве случаев дифференцирована ответственность с учетом признаков субъекта: незаконный аборт, произведенный врачом, и незаконный аборт, совершенный лицом, не имеющим соответствующего образования/права (Азербайджан, Таджикистан, Кыргызстан, Беларусь, Казахстан, Узбекистан, Армения). Законодатель Молдовы подошел еще более скрупулезно к регламентации признаков анализируемого преступления: закрепил в рамках уголовного кодекса критерии незаконности аборта (вне медицинского учреждения; лицом, не имеющим специального высшего медицинского образования; при наличии медицинских противопоказаний; в антисанитарных условиях; при сроке свыше 12 недель и при отсутствии медицинских показаний). Означенные критерии основаны на требованиях медицинского законодательства и абсолютно обоснованы. Некоторые нюансы присутствуют и в регламентации квалифицирующих признаков рассматриваемого состава. В большинстве случаев в качестве отягчающих обстоятельств предусмотрено причинение по неосторожности смерти потерпевшей либо тяжкого вреда ее здоровью. Однако можно выявить и определенную специфику в этой области. Так, в некоторых государствах означенные последствия и, соответственно, меры ответственности за их причинение дифференцированы (Азербайджан); в других предусмотрена ответственность и за причинение средней тяжести вреда здоровью/иные тяжкие последствия (Кыргызстан, Молдова, Узбекистан, Украина). В некоторых случаях квалифицирующим обстоятельством является неоднократность/судимость за ранее совершенное аналогичное преступление (Таджикистан, Казахстан, Армения). Таким образом, уголовное законодательство всех стран СНГ, за исключением РФ, представляется в рассмотренной области достаточно адекватным, учитывающим необходимость особой охраны репродуктивной сферы с учетом требований медицинских документов и основополагающих принципов уголовного права. Следует отметить, что во всех советских уголовных кодексах предусматривался более обоснованный и адекватный подход к регламентации ответственности за анализируемое деяние, основанный на практических аспектах и нормах соответствующих медицинских актов.

Следующий специальный состав, учитывающий репродуктивные особенности, — необоснованный отказ в приеме на работу/необоснованное

¹⁷ Туймазинский районный суд Башкирии. Официальный сайт // <http://tuimazinsky.bkr.sudrf.ru> (10 декабря 2011 г.).

¹⁸ *Тенденции преступности, ее организованности, закон и опыт борьбы с терроризмом.* М., 2006. С. 109.

увольнение беременной женщины или женщины, имеющей малолетних детей. Отдельная ответственность за указанное преступное деяние установлена в пяти из десяти стран СНГ (РФ, Азербайджан, Таджикистан, Кыргызстан, Армения). В данном вопросе позиция законодательств более-менее идентична. Из нюансов можно отметить следующее: Уголовный кодекс Азербайджана подчеркивает не просто факт наличия у женщины ребенка в возрасте до 3 лет, а нахождение его на иждивении у матери; в УК Таджикистана вместо термина «необоснованное» используется «безосновательное», что, однако, исходя из содержания и толкования соответствующих норм синонимично; ст. 144 УК Кыргызстана предусматривает также ответственность и за снижение размера заработной платы по соответствующим мотивам. В других государствах СНГ не предусмотрена специальная ответственность за нарушение трудовых прав субъектов по репродуктивным признакам. Следует отметить, что подход российского законодателя в рассматриваемой области имеет ряд несовершенств. В частности в области определения потерпевшего лица: не учитывается разница в понятиях «имеющая ребенка» и «воспитывающая ребенка», часто встречаются ситуации, когда женщина претендует на получение соответствующих гарантий и льгот, не осуществляя реальной заботы о ребенке. Кроме того, с учетом репродуктивных факторов и положений трудового законодательства целесообразно расширить перечень потерпевших от данного преступления. По такому пути идет и судебная практика. Так, А. решением суда была назначена опекуном племянника. Директор магазина, где работала А., ее уволил. А. обратилась в прокуратуру. Следователь принял ее заявление, уголовное дело было возбуждено по ст. 145 УК РФ.¹⁹ Также видится необходимым определение четких критериев понятия «необоснованность» в целях единообразного толкования и применения рассматриваемой нормы. Доработки требует и регламентация признаков субъективной стороны в диспозиции ст. 145 УК РФ, так как приведенная формулировка мотивации представляется некорректной.

Таким образом, уголовно-правовая охрана репродуктивной сферы может выражаться, с одной стороны, в тщательно продуманной и обоснованной регламентации ответственности за преступные деяния, связанные с репродуктивными аспектами, в ужесточении наказания за соответствующие преступления; с другой — в целесообразной гуманизации ответственности и наказания с учетом репродуктивных особенностей. Первое направление реализуется в рамках специальных составов, устанавливающих ответственность за совершение преступления, причиняющего вред репродуктивной сфере (убийство заведомо беременной женщины; незаконное производство аборта; необоснованный отказ в приеме на работу или увольнение по соответствующим мотивам), а также путем регламентации репродуктивных факторов в качестве обстоятельства, отягчающего наказание (совершение преступления в отношении беременной женщины). Второе направление в действующем уголовном законодательстве стран СНГ представлено более обширно. К нему относятся учет состояния беременности в качестве обстоятельства, смягчающего наказание; институт отсрочки отбывания наказания; ограничения в применении/неприменение отдельных видов наказания, обусловленные учетом репродуктивных аспектов (беременность/наличие малолетних детей); установление

¹⁹ Следственный комитет РФ. Официальный сайт // www.sledcom.ru (10 октября 2011 г.).

ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в рамках привилегированного состава. Такой подход обусловлен принципом гуманизма и требованиями особой охраны репродуктивной сферы, однако зачастую необоснованная реализация обозначенных моментов может привести к диаметрально противоположному результату. Как уже отмечалось, большинство закрепленных законодательством привилегий, предусмотренных на основе учета репродуктивных факторов, целесообразны, когда направлены на защиту интересов ребенка, в иных случаях — малообоснованны, приводят к злоупотреблениям и в итоге к нарушениям охраны репродуктивных аспектов, необходимостью защиты которых изначально были обусловлены.

С учетом изложенного, в рамках Общей части УК РФ представляется обоснованным внести следующие изменения:

1) п. «в» ч. 1 ст. 61 изложить в следующей редакции: «совершение преступления женщиной, находящейся в состоянии беременности»;

2) сохранить безусловное неприменение отдельных видов наказаний только в отношении беременных женщин; в отношении женщин, имеющих детей, обусловить ограничения в применении некоторых видов наказания конкретными индивидуальными обстоятельствами с учетом интересов ребенка и практических последствий ограничения существующего спектра наказаний;

3) предусмотреть возможность распространения действия статей об ограничении применения отдельных видов наказания и на имеющих детей мужчин с учетом конкретной ситуации;

4) отменить безусловное неприменение ко всем женщинам таких видов наказания, как пожизненное лишение свободы и смертная казнь, вне зависимости от конкретной ситуации, обстоятельств дела;

5) изложить норму ст. 82 УК РФ в следующей редакции:

«Статья 82. Отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и лицам, имеющим малолетних детей

1. Осужденным беременным женщинам и лицам, имеющим детей в возрасте до 14 лет, кроме осужденных к лишению свободы на срок свыше пяти лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, а также лиц, страдающих алкогольной и (или) наркотической зависимостью, либо не прошедших предписанного курса лечения от указанных заболеваний, суд может отсрочить реальное отбывание наказания до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста.

2. В случае, если осужденные, указанные в части первой настоящей статьи, после предоставления отсрочки отбывания наказания приобрели алкогольную и (или) наркотическую зависимость, психическое расстройство, не исключающее вменяемости, иное тяжелое опасное заболевание и уклоняются от прохождения предписанного курса лечения, отказались от ребенка или продолжают уклоняться от воспитания ребенка после предупреждения, объявленного органом, осуществляющим контроль за поведением осужденного лица, в отношении которого отбывание наказания отсрочено, суд может по представлению этого органа отменить отсрочку отбывания наказания и направить осужденное лицо для отбывания наказания в место, назначенное в соответствии с приговором суда».

Под «иным тяжелым опасным заболеванием» предлагается понимать серьезную болезнь, способную причинить вред ребенку из-за опасности заражения: открытая форма туберкулеза, венерическое заболевание и др. Конкретизировать смысл данной формулировки предлагается путем закрепления соответствующего примечания к ст. 82 УК РФ либо в рамках постановления Пленума Верховного Суда РФ.

В рамках Особенной части УК РФ:

1) изменить редакцию ст. 106 УК РФ:

«Статья 106. Убийство матерью новорожденного ребенка

Убийство матерью новорожденного ребенка, совершенное в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, вызванного влиянием родового процесса и связанных с ним обстоятельств, наказывается...

Примечание. Под новорожденным в настоящей статье понимается ребенок с момента начала процесса рождения (появление какой-либо части тела младенца из утробы матери) до достижения четырехнедельного возраста»;

2) статью 123 УК РФ изложить в следующей редакции:

«Статья 123. Незаконное производство аборта:

производство аборта вне специализированного медицинского учреждения, либо лицом, не имеющим надлежаще удостоверенной специальной подготовки, либо при наличии противопоказаний для этой операции, а также в ненадлежащих условиях;

1) то же деяние, совершенное без согласия беременной женщины;

2) деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, повлекшие по неосторожности смерть потерпевшей либо причинение тяжкого вреда ее здоровью»;

3) изменить редакцию ст. 145 УК РФ:

«Статья 145. Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лиц с семейными обязанностями

1. Отказ в приеме на работу или увольнение беременной женщины, женщины, воспитывающей ребенка в возрасте до 3 лет, одинокой матери, воспитывающей ребенка в возрасте до 14 лет (ребенка-инвалида в возрасте до 18 лет), иного лица, воспитывающего указанных детей без матери, по обстоятельствам, не связанным с деловыми и профессиональными качествами...».

Следует отметить, что чрезмерная гуманизация уголовно-правовой политики в рассматриваемой сфере, игнорирование очевидных аспектов, неучет позитивного опыта других государств способны привести и приводят к нивелированию охраны репродуктивной сферы, к нарушению репродуктивных прав, возможности для чего закладываются самим законодателем.

Обобщая рассмотренные особенности уголовного законодательства, специальных актов и различные подходы исследователей в анализируемом вопросе, представляется возможным и целесообразным дать определение репродуктивной сфере как объекту уголовно-правовой охраны. При этом, учитывая специфику соответствующего термина, обоснованно принять во внимание и его толкование в медицинской сфере. Так, медицинская энциклопедия определяет репродукцию как «физиологическую функцию, необходимую для сохранения человека как биологического вида». ²⁰ В толковых словарях Т. Ф. Ефремовой и С. И. Ожегова ²¹ рассматриваемый аспект данного термина расшифровывается как «самовоспроизведение, размножение, производство потомства». И, наконец, энциклопедический словарь толкует анализируемое понятие с учетом его латинского происхождения как воспроизводство организмами себе подобных. ²²

²⁰ *Медицинская энциклопедия* / под ред В. И. Покровского. М., 1998. С. 408.

²¹ *Современный толковый словарь русского языка* / под ред Т. Ф. Ефремовой. Т.2. М., 2009; *Толковый словарь русского языка* / под ред С. И. Ожегова. М., 2007. С. 677.

²² Энциклопедический словарь // www.dict.t-mn.ru/enc_sl/ (3 мая 2013 г.).

Таким образом, репродуктивная сфера как объект уголовно-правовой охраны — область, обеспечивающая право граждан на воспроизводство потомства и взаимосвязанные с ним процессы посредством гуманизации наказания на основе соответствующих особенностей субъектов и регламентации специальных норм, предусматривающих ответственность за преступные посягательства, причиняющие вред означенным интересам.

Дефиниция представляет собой краткое определение какого-либо понятия, отражающее существенные признаки предмета или явления; в лингвистике — толкование слова.²³ Дефиниции, как правило, присущи: а) определяемое понятие — то, что определяется; б) предикат — то, что говорится об определяемом; в) родовой признак — качество, которое присуще ряду родственных предметов или явлений; г) видовое отличие — качество, характерное только для данного понятия²⁴. Соответственно, в представленном определении репродуктивная сфера — определяемое понятие; область, обеспечивающая право граждан на воспроизводство потомства и взаимосвязанные с ним процессы, — предикат и родовой признак; способ охраны данной сферы (гуманизация наказания на основе соответствующих особенностей субъектов и регламентация специальных норм, предусматривающих ответственность за преступные посягательства, причиняющие вред означенным интересам) — видовое отличие.

В вышеизложенном определении, во-первых, учтена медицинская подоплека вопроса; во-вторых, — особенности уголовно-правового подхода; в-третьих, — положения специального законодательства и теории. Так, представляется невозможным разработать дефиницию репродуктивной сферы без учета медицинского толкования термина «репродукция». Однако исходя из содержания международных документов и специального законодательства, посвященных этому вопросу, анализируемая область включает большое количество не только прав, но и процессов, так или иначе связанных с воспроизводством человека, не ограничивающихся исключительно медицинскими аспектами. Кроме того, как верно отметил Г. Б. Романовский,²⁵ регулирование репродуктивных процессов затрагивает личные права граждан, но выявление содержания того или иного «репродуктивного права» позволяет выявить его реликтовую природу, которая и становится предметом оценки со стороны институциональных органов. Также, разумеется, нельзя не учитывать и особенности отраслевого подхода. Предназначением всех репродуктивных правомочий является обеспечение продолжения жизни. Воспроизводство потомства — форма реализации данного направления, однако каждый его структурный компонент подлежит различной по видам и содержанию защите в зависимости от особенностей целей, задач, средств и методов конкретной отрасли права. Уголовное законодательство, несомненно, обладает определенной спецификой, которую невозможно не принимать во внимание, анализируя содержательные особенности репродуктивной сферы именно как объекта уголовно-правовой охраны.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие основные выводы:

²³ *Словарь иностранных слов*. М., 1988. С. 158.

²⁴ *Розенталь Р. Э., Джанджанова Е. В.* Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1994. С. 362.

²⁵ *Романовский Г. Б.* Теоретические проблемы права человека на жизнь: конституционно-правовое исследование. Автореф. дис. ... д. ю. н. М., 2006. С. 11.

1) репродуктивная сфера как объект уголовно-правовой охраны обладает определенной содержательной спецификой, обусловленной особенностями нарушений и мер защиты соответствующих прав; для целей единообразного понимания и эффективной реализации необходимо общее определение данного понятия, учитывающее означенные особенности, авторская разработка которого предложена в рамках данной статьи;

2) особо важна последовательная реализация отраслевой политики, учитывающая специфику конкретных средств и методов защиты; в действующем уголовном законодательстве РФ, исходя из проведенного анализа, адекватного и единообразного подхода в этом плане не наблюдается, требуется пересмотр и доработка соответствующих норм;

3) для уголовного законодательства в сфере охраны репродуктивной сферы важно соблюдение баланса между гуманным отношением к субъектам с учетом репродуктивных особенностей и обоснованной регламентацией защиты нарушенных прав в данной области.